

ТИМУР АТНАШЕВ, ВЛАДИСЛАВ КАЛИНИН

Праведный разум: Джонатан Хайдт в поисках моральных оснований политики

Обзор книги: Jonathan Haidt. (2021) *The Righteous Mind: Why Good People Are Divided by Politics and Religion*. Vintage. — 419 pp.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-4-279-312>

Timur Atnashev, Vladislav Kalinin

The Righteous Mind: Jonathan Haidt in Search for the Moral Foundations of Politics

Timur Atnashev — Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Moscow, Russia). atnashev-tm@ranepa.ru

Vladislav Kalinin — Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Moscow, Russia). vrkalinin1@gmail.com

The article provides an extended critical review of the key arguments of the book “Righteous Mind” by Jonhatan Haidt and an analysis of the intellectual context in which his influential theory of moral foundations (MFT) had emerged. Authors reconstruct Haidt’s

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Моральные основания публичных дискуссий в современной России: общественный язык конструктивных коммуникаций» РАНХиГС в 2021 г. Мы благодарны за обсуждение и за критические соображения о теории моральных оснований Дж. Хайдта Илье Винявкину, Владимиру Картавцеву, Виталию Куренному, Дмитрию Рогозину и Андрею Фетисову.

intention of reinterpreting and possibly overcoming the ever growing “culture wars” in American society — the difference between liberals and conservatives in their understanding of what constitutes the basic set of moral foundations. The opposition between intuitionist (Hume) and rationalistic (Kant) approaches to morality in social psychology is considered, followed by the discussion of the complex relationship between biological, evolutionist and socio-cultural mechanisms according to Haidt, as well as his original revision of the theory of “homo duplex” by Emile Durkheim, who understood collective identity in terms of the sacred bonds. In the final part of the article authors show that the most vulnerable arguments of Haidt are not those related to the “biological reductionism” often erroneously attributed to the American thinker, but issues related to the insufficient elaboration of the criteria of the identification of the five or six specific foundations, and to self-contradictory character of the strategic move of the book: Haidt tries to extend the too narrow spectrum of the moral foundations of his liberal colleagues and compatriots by the force of his rational arguments, but at the same time he shows that moral reactions are rather intuitive and not rational by nature.

Keywords: moral foundations theory, culture wars, conservatives-liberals divide, socio-biological reductionism, Durkheim, collective as sacred, Jonathan Haidt.

КНИГА «Праведный разум: почему хорошие люди разделены политикой и религией» Джонатана Хайдта — очень амбициозный и провокационный проект, который вызвал целую волну эмпирических исследований и критики¹. Несмотря на относительную молодость, исследовательская программа теории моральных оснований по ряду параметров сопоставима с большими сравнительными моделями анализа ценностей политического социолога Рональда Инглхарта и типологии культурных измерений социального психолога Герта Хофстеде.

1. В целом речь идет о нескольких сотнях исследований в течение последних десяти лет в диапазоне от жителей США и стран ЕС до Ирана или Южной Кореи, которые формируют своеобразную субдисциплину, включая метааналитические обзоры. См. Kivikangas, J. M., et. al. (2021) “Moral foundations and political orientation: Systematic review and meta-analysis”, *Psychological Bulletin* 147(1): 55–94.

Для описания базового репертуара моральных оснований, внутри которого варьируется нравственная чувствительность представителей разных стран и сообществ, Хайдт обращается к ресурсам антропологии — и его конечной прагматической целью является лучшее понимание друг другом различных политических и религиозных сообществ. Работа влиятельного американского социального психолога и мыслителя демонстрирует два сквозных «умиротворяющих» аргумента или предположения:

а) мы можем лучше понимать друг друга в политике, обращаясь к моральным и религиозным основаниям убеждений наших оппонентов, даже в ситуации глубокого общественного раскола;

б) сложившиеся дисциплинарные границы между психологией, антропологией, социологией и эволюционной биологией можно продуктивно нарушать, если отказаться от попыток редукционизма и перейти к новому типу интеграции.

Каждый из этих аргументов спровоцировал живую и не всегда дружественную реакцию ученых, в свою очередь разделенных как политическими убеждениями, так и дисциплинарными конвенциями.

Вероятно, центральным ходом работы Хайдта является утверждение о том, что люди, которые определяют себя как либералы, имеют более узкий спектр или объем моральных оснований, чем люди, называющие себя консерваторами. Консерваторы относят к сфере общеобязательных норм морали такие вопросы, как авторитет и иерархию внутри организации и высокую лояльность своей группе. Для них также важна оценка поведения людей по отношению к вещам или действиям в терминах священного (чистого) / отвратительного (грязного). По Хайдту, эти вопросы связаны с ролью морали как механизма укрепления внутри групповой идентичности, кооперации и солидарности. С этим же механизмом связано важное для консерваторов разделение на своих, принадлежащих группе, и чужих, не разделяющих ее принципов и норм. Напротив, для либералов, к которым в США по факту относятся большинство ученых, этот набор «групповых» моральных оснований представляется архаичным или малозначимым. При этом моральные основания, связанные с защитой индивида (неприятие вреда и насилия, справедливость, автономия), оказываются почти равно важными как для консерваторов, так и для либералов. Таким образом, либералы и консерваторы разделены в их отношении к групповым моральным основаниям.

Как на своем собственном примере обнаружил Хайдт, для преодоления этой морально-религиозной границы между либералами и консерваторами эмансипированным городским жителям необходимо сделать большие интеллектуальные и культурные усилия. Ученый хочет показать, что высокая ценность групповых моральных оснований является исторической и антропологической нормой, а отказ либералов от них в пользу только индивидуальных оснований морали — историческая аномалия, мешающая взаимопониманию. Либералы смогут лучше понимать и убеждать консерваторов по конкретным вопросам общественной и политической жизни, вернув в свой риторический и жизненный репертуар групповые моральные основания. Консерваторы, предположительно, могут смягчить свои требования высокой групповой лояльности, когда они хотят найти общий язык и договориться с либералами.

Наконец, на следующем уровне ученый показывает косвенную связь или, точнее, сложную взаимозависимость индивидуальной и отчасти генетически определенной открытости/закрытости людей новому опыту и культурно-исторических вариаций консервативных и либеральных установок. Сильно упрощая серию нюансированных аргументов и контраргументов Хайдта и его коллег, мы можем сказать, что либералы более открыты, а консерваторы более закрыты новому опыту. Однако конкретные индивидуальные траектории людей с точки зрения их общественных предпочтений не жестко предопределены генетической предрасположенностью, а конкретные наборы правил и установок, принятых как «традиция» и «инновация» в разных сообществах, значительно отличаются.

Книга состоит из трех частей, которые призваны удержать вместе достаточно сложную и деликатную трансдисциплинарную конструкцию, связывающую моральные основания, религиозность и политические предпочтения с психологией и нейрофизиологией. Мы хотели бы для начала дать краткое изложение основных тезисов, чтобы затем представить контекст, в котором они возникли, более подробно разобрать каждый из них и в заключение указать на наиболее уязвимые для критики ходы и аргументы. Фоновым для нас будет вопрос о границах применимости теории моральных оснований и ее эмпирических находок в целом и о возможности «перевода» культурно и политически обусловленного проекта Хайдта, уже апробированного в десятках стран мира от Польши до Южной Кореи или Турции, на отечественный

контекст. Устойчивая корреляция между объемом моральных оснований и политическими предпочтениями обнаруживается в самых разных сообществах.

Структура и основные тезисы книги

В первой части книги Хайдт резюмирует и дополняет свои более ранние эмпирические работы и статьи, написанные совместно с коллегами, о преимущественно интуитивном характере моральных суждений, обращаясь к наследию Д. Юма². Метафора слона и наездника³ призвана показать, как бессознательный слон (интуиция) автоматически составляет / производит / «высказывает» моральные суждения, которые слабый по сравнению со слоном наездник (делиберативный разум) призван скорее рационализировать как свои собственные решения, наподобие пресс-секретаря влиятельного политика. Выбирая между Сократом и Главконом в их споре о природе нравственности, Хайдт принимает сторону второго — людям важно выглядеть морально безупречными в глазах других людей, но само по себе моральное поведение, когда их «никто не видит», не дает человеку преимуществ и не способствует благой жизни. Для подлинно альтруистического поведения индивида в отношении группы автор позже находит иной источник, не связанный с рациональными аргументами Сократа о высшем благе (или с его совестливым «демоном», ограждающим от ошибочных поступков).

Во второй части, опираясь на работы Р. Шведера, Хайдт предлагает антропологическое описание «области» морали, особенно подчеркивая, что к сфере моральных оснований следует относить не только вопросы вреда, свободы и справедливости, стандартные для понимания морали в американской академической среде, но и такие вопросы, как отношения людей к святыням, авторитету, преданность (или измена) своей группе. Каждый фактор способствует тому, что индивид отклоняется от стандартного пове-

2. Haidt, J., Joseph, C. (2004) "Intuitive ethics: how innately prepared intuitions generate culturally variable virtues", *Daedalus* (Fall): 55–66; Haidt, J., Bjorklund, F. (2007) "Social intuitionists answer six questions about morality", in W. Sinnott-Armstrong (ed.) *Moral Psychology*, vol. 2: *The Cognitive Science of Morality*, pp. 181–217. Cambridge, Mass.: MIT Press.
3. В более ранней работе речь шла о рациональном хвосте и эмоциональной собаке. Haidt, J. (2001) "The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment", *Psychological Review* 108(4): 814–834.

дения, предполагаемого расчетом выгод *homo economicus*. Всего получается шесть моральных оснований, которые ученый уподобляет пяти базовым вкусовым рецепторам на поверхности человеческого языка, которые задают сложную кулинарную палитру ощущений от еды. При этом важно, что городские жители США с высшим образованием, включая самих исследователей, имеют зауженный репертуар, в котором существенно снижено значение трех оснований: уважения к святыням, авторитета власти и преданности сообществу. Политический раскол по оси «либералы — консерваторы» оказывается глубоким антропологическим расколом в отношении того, что входит, а что не входит в область морального. Американские консерваторы в этом отношении ближе к жителям Индии, чем к образованным согражданам, живущих в больших городах.

В третьей части книги дается ответ на вопрос о том, как и почему альтруистическая мораль работает в обществе? Определяя мораль как способ преодоления эгоистического поведения индивидов и стимуляции их к кооперации в интересах группы, Хайдт обращается к классическому для социологии наследию Э. Дюркгейма и к эволюционной биологии и ее теории групповой селекции. Главной метафорой третьей части становится противопоставление кооперативных пчел и индивидуалистических шимпанзе. Люди, пишет Хайдт, на 90% шимпанзе и на 10% пчелы. Мораль и ее специфические переключатели помогают включать в нас роевую модель поведения, когда индивид вдруг явно ощущает принадлежность к единому целому. В результате более солидарные сообщества получают эволюционное преимущество над своими менее кооперативными конкурентами (несмотря на наличие и успехи самых лицемерных фрирайдеров внутри). В США начала 2010-х гг. Хайдт видит существенный дефицит кооперации в политическом сообществе в целом и предлагает средство его преодоления.

Культурная война и интервенция моральной психологии

Политика, если перефразировать изречение В.И. Ленина, есть концентрированное выражение моральных и религиозных установок. Эта известная максима если у кого-то и не вызывает чувство несогласия, то только у Джонатана Хайдта. Так, ситуация «культурной войны» в американском обществе, характеризующаяся моральным разделением и конфликтной поляризацией,

в 2012 году побудила Хайдта, до того занимавшегося научными исследованиями в области психологии морали, выступить с амбициозной теоретической интервенцией. Основной дидактический мотив книги американского психолога предельно ясен — средствами моральной психологии примерить американское общество, чье единство было расколото как политически, так и культурно, начиная с 60-х годов прошлого века. Расколото политически — потому что между демократами и республиканцами, как двумя доминирующими политическими силами, начиная с Уотергейтского кризиса, все меньше реперных точек солидарности, не считая чрезвычайных событий. Расколото культурно — потому что ценностные установки диаметрально противоположны по многим аспектам, начиная от аборт и заканчивая гендерными идентификациями.

За этим двойным политическим расколом, как показал в классическом труде «Культурная война: борьба за определение Америки» Дж. Д. Хантер, стоят определенные моральные перспективы⁴. Демократы как прогрессисты оперируют теми моральными категориями, которые традиционалисты и республиканцы отвергают, противопоставляя им свое моральное видение, основанное на христианской традиции. Такой бескомпромиссный манихейский конфликт добра со злом свидетельствует не только о напряженности, но и о моральных рисках, о том, что современная «культурная война», которую часто сравнивают с «религиозными войнами» раннего Нового времени, будет идти с использованием избыточных средств (например, социальной депривации в «культуре отмены») ради реализации праведных целей. Соответственно, можно преодолеть моральную, а вместе с тем культурную и политическую поляризацию, если разметить такую карту морали, в которой эта поляризация будет нейтрализована взаимным признанием.

Но что мешало моральным психологам разметить эту карту ранее? Дело в том, что внутри моральной психологии как дисциплины не было единства относительно того, как и что считать моралью и каковы, собственно, ее истоки. Это вовсе не означает, что

4. См.: Hunter, J.D. (1991) *Culture Wars: The Struggle to Control the Family, Art, Education, Law, and Politics in America*. New York: Basic Press. Об актуальности этого тренда в современном российском контексте см. Узланер Д. Россия в транснациональных культурных войнах. Часть 1 // Неприкосновенный запас. 2020. № 3(131). С. 100–120; Узланер Д. Россия в транснациональных культурных войнах. Часть 2 // Неприкосновенный Запас. 2020. № 4(132). С. 158–184.

именно результатами работ Хайдта достигается парадигмальный консенсус, однако параллельно с его начинаниями господствующий подход когнитивизма, блокировавший процесс картографии (об этом пойдет речь далее), сменяется некогнитивистским подходом, который до того не пользовался популярностью. Подкрепляя новые векторы развития моральной психологии, Дж. Хайдт, с одной стороны, воссоздал иное поле моральной тематизации, а с другой стороны, выступил как автор, чьи работы в «дидактическом» режиме направляют на путь морально-политического и религиозного примирения, в котором нуждается, по его мнению, американская нация.

Когнитивизм и интуитивизм в моральной психологии

«Долгое время лидером в области психологии морали был когнитивный подход к моральному сознанию личности»⁵. Как утверждает Хайдт, доминирование этого подхода было инициировано Ж. Пиаже, предложившим теорию «когнитивного развития». В середине XX в. Л. Кольберг расширил идеи Пиаже. Моральное суждение и поведение, по Кольбергу, структурируется вокруг понятий правил и справедливости. В онтогенезе индивида инкорпорирование моральных правил зависит от уровня когнитивного развития. Наличие логики и способностей к абстрагированию обеспечивает усвоение абстрактных деонтологических принципов. Например, кантовский категорический императив будет усвоен в том случае, если субъект будет способен схватывать логику частного и всеобщего. «Когда стадияльная теория Л. Колберга, — пишет Заикин, — не оправдала ожидания ее сторонников, начался активный поиск других подходов»⁶. Э. Туриель показал, что моральные оценки не синхронизируются со стадиями, схематизированными Кольбергом. В туриелевской типологизации нормы концентрируются в трех доменах, различающихся между собой не как этапы, а по уровню релевантности и по степени обобщения: персональном, конвенциональном и моральном.

5. Заикин В. А. Моральное функционирование: социально-психологический подход. Социально-интуитивистская теория Дж. Хайдта // Национальный психологический журнал. 2017. № 1(25). С. 33.

6. Там же. С. 34.

Способ рассмотрения морали с когнитивистских позиций со-держит ряд важных допущений, которые оказываются контрпро-дуктивными для Хайдта. Первое — из такого способа тематизации морали изымаются многие важные этические постулаты, в том числе религиозно освященные. Хайдт не соглашается с определением морали Туриеля как сферой интеллектуального суждения о справедливости, правилах, регулирующих отношение субъек-тов друг к другу. «Но если мораль, — отмечает Хайдт, — заклю-чается в том, как мы относимся друг к другу, то почему так много древних текстов уделяли так много места правилам о менструа-ции, кто что может есть и кто с кем может заниматься сексом?»⁷. Генеральная совокупность моральных значений гораздо шире и богаче, нежели правила, в терминах которых осмысляют мо-раль сторонники когнитивистского подхода. Второе допущение заключается в том, что сама тематизация морали как правила об-условлена тем, что ее авторы атрибутировали ей в общих чертах именно те характеристики, которые оказали воздействие (в смыс-ле личной культурной социализации) на них самих. Когнити-вистская мораль правил как общая теория морали, другими сло-вами, есть проекция рационального и индивидуализированного общества, к которому они принадлежали. Социальный порядок — здесь Хайдт опирается на антропологию Р. Шведера — по сути своей есть моральный порядок. Встроенность ученого в опреде-ленный социальный порядок, таким образом, сковывает перспек-тивы концептуализации морали людей, принадлежащих к дру-гим сообществам.

Будучи учеником Шведера и получив исследовательский грант, Хайдт отправился в 1993 г. в Индию изучать моральные поряд-ки. Там он убедился в том, что моральные значения не всегда со-измеримы в различных социокультурных контекстах. Контакт с иным порядком позволил ему увидеть иные перспективы и тем самым преодолеть границы, сужающие моральную вариабель-ность. Хайдт описывает свой опыт моральной трансгрессии так:

Вместо того, чтобы автоматически отвергать мужчин как угнетателей-сексистов и жалеть женщин, детей и слуг как беспомощных жертв, я смог увидеть моральный мир, в котором семьи, а не отдельные

7. Haidt, J. (2008) "What makes people vote republican?", *Edge* [https://www.edge.org/conversation/jonathan_haidt-what-makes-people-vote-republican.html], accessed on 17.10.2021].

люди, являются основной ячейкой общества, а члены каждой большой семьи (включая ее слуг) сильно взаимозависимы. В этом мире равенство и личная автономия не были священными ценностями⁸.

Важно, что принятие инаковости морали другого исходно продиктовано здесь антропологическим подходом исследователя, нацеленного на отказ от универсализации собственных схем и представлений. Таким образом, наличие морального релятивизма выступает как автобиографический аргумент против когнитивистской концепции, в которой справедливость и свобода — универсальные переменные, которые можно обосновать рационально. А молодой либеральный ученый, вернувшись из Индии в США, вдруг начинает видеть в американских консерваторах, на деле разделяющих многие «предрассудки» индусов, не отсталых людей, а самоценную культуру, которая требует понимания и даже защиты от империалистической атаки либерального прогрессизма и рациональной морали.

Однако этот антирационалистический аргумент можно устранить отсылками на иную по своей природе рациональность, чем наша, на возможный иной набор аргументов, которые кажутся разумными и валидными для носителей другой культуры. В такой версии сама рациональность как источник морали потенциально может быть плюралистической. Хайдт, переживший после путешествия в Индии личную трансформацию по отношению к своим согражданам консерваторам, ищет принципиально другой способ опровержения посткантианской когнитивистской (рациональной) концепции морали с помощью философии Юма, неожиданно активно поддержанного как современными эмпирическими исследованиями, так и эволюционной теорией.

Актуализация юмовского наследия

Противостояние морального неконгнитивизма, истоки которого восходят к Юму, и когнитивизма, представленного И. Кантом, — магистральная линия не только в моральной психологии. Как отмечает Томас Нагель, в современной моральной философии «по-прежнему доминируют разногласия между этими двумя ги-

8. Ibid.

гантами»⁹. Существенное отличие кантовской моральной схемы от юмовской заключается в том, что для первого мораль деонтологична и немыслима без таких категорий, как правило, долг и обязанность. Для второго, напротив, мораль есть сфера особой чувственности или интуиции. Несводимость моральных норм к рациональным принципам обусловлена радикальной для Юма, углубившего более ранние скептические аргументы Паскаля, несводимостью разнопорядковых суждений: фактических и нормативных. «Можно ли отталкиваясь только от разума, — пишет Юм, — различить моральное добро и моральное зло»?¹⁰. Если разум работает с истиной и ложью, которые как парные коды применимы лишь к фактичности, то моральная способность суждения должна основываться на чем-то ином. Юм пишет:

Я заметил, что в каждой этической теории, с которой мне до сих пор приходилось встречаться, автор в течение некоторого времени рассуждает обычным способом, устанавливает существование Бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно есть или не есть, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки должно или не должно¹¹.

Копула «есть» исходит из пассивного разума. Но «долженствование» инициируется не разумом, а аффектами, например, желанием или симпатией. Несогласие Канта с такой трактовкой Юма базируется на этическом несогласии быть рабом страстей. Кантовский моральный субъект независим от конкретных обстоятельств жизни, настроений и автономен в формулировании моральных правил за счет рациональной способности. Эта интеллигибельная возвышенность морали над человеческой экзистенцией контрастна тому, что подразумевается под моралью у Юма, у которого она конкретна и зависима от вкусов, привычек, страстей. Упрощая, скажем, что у Канта мораль — это дело практического разума, у Юма мораль — дело аффекта, интуиции.

9. Nagel, T. (2012) "The Taste for Being Moral", *New York Review of Books* [<https://www.nybooks.com/articles/2012/12/06/taste-being-moral>], accessed on 17.10.2021].

10. Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1996 С. 498.

11. Там же. С. 511.

Как и в случае с подходом морального когнитивизма, кантовский подход к морали может быть интегрирован как частный случай, как одна сторона общей моральной карты. Так, акцент на рациональности в контексте определения морали может свидетельствовать, как утверждает Хайдт, о склонности (генетически и социально обусловленной) к систематизации. Более того, тотальная упорядоченность собственной жизни, как и произведений, не может ли, спрашивает он, говорить о том, что у Канта был синдром Аспергера¹²? В любом случае, юмовская мораль оказывается моралью первого порядка, в которой могут сочетаться и комбинироваться разные морали. Хайдт заключает, подводя итог реинтерпретации двух столпов моральной философии: «Плюралистический, сентименталистский и натуралистический подход Юма к этике, — отмечает Хайдт, — более перспективен, чем утилитаризм или деонтология для современной моральной психологии»¹³. Возобновление перспективного морального проекта Юма в свете современной социальной психологии должно быть не только теоретически обоснованным, но и эмпирически верифицируемым.

Проведя серию эмпирических кросс-культурных опросов, Хайдт, с одной стороны, пришел к выводу, что объем моральной чувственности меняется в зависимости от культурного контекста и национальной специфики¹⁴. Это подтвердило предположение Шведера, согласно которому моральные конвенции коррелируют с социокультурными контекстами. То, что принято считать аморальным в одном месте, например утилитарное использование флага при уборке в доме, не будет таковым считаться в ином культурном пространстве, где флаг наделен сакральными свойствами. С другой стороны, опрашивая респондентов, Хайдт пришел к еще одному выводу — моральное суждение отвечавших, как правило, было быстрым и сопровождалось некой телесно выраженной импульсивностью. Так, словно респонденты производили не этическое, а эстетическое суждение. Приведем часто используемый Хайдтом вопрос для иллюстрации того, как моральное суждение работает. Допустим ли безопасный инцест (то есть без послед-

12. Haidt, J. (2012) *The Righteous Mind: Why Good People Are Divided by Politics and Religion*, pp. 133–134. Pantheon Books.

13. Ibid., p. 141.

14. См.: Haidt, J., Koller, S.H., Dias, M.G. (1993) "Affect, culture, and morality, or is it wrong to eat your dog?", *Journal of Personality and Social Psychology* 65(4): 613–628.

ствий деторождения) между братом и сестрой, при том что каждый из них получит удовольствие, об этом никто не узнает и это более не повторится? Задавая такой вопрос, Хайдт утверждает, что респонденты первоначально воспроизводят «безошибочное автоматическое суждение». Безошибочное по той причине, что все последующие стратегии рационального обоснования, как правило, усиливали высказанное прежде. То есть аргументация, выстроенная не всегда, как утверждает Хайдт, логичным образом, работает для закрепления эмоциональной (интуитивной) реакции. «Сознательное рассуждение действует, — пишет он, — подобно пресс-секретарю, который автоматически обосновывает любую позицию, занятую президентом. С помощью нашего пресс-секретаря мы можем часто лгать и обманывать, а затем скрывать это так эффективно, что убеждаем даже самих себя»¹⁵. Автоматическими суждения являются постольку, поскольку ответ проявляется моментально: в виде слов («нет»), междометий («фу») или телесных реакций (недовольная мимика). В итоге эмпирическая верификация предположений о моральной вариативности и эмоциональном основании обеспечила морали Д. Юма «второе дыхание» в систематике социальной психологии. Данные многочисленных исследований в области нейрофизиологии, которые приводит Хайдт, также указывают на интуитивный и спонтанный характер моральных суждений.

Таким образом, актуализация Д. Юма в проекте Хайдта — это одновременно и критика позиций Кольберга и Туриеля как наследников кантианской моральной философии. Деструкция безусловного рационального основания как источника универсальности самой морали — следствие этого теоретического хода. Напротив, мораль, будучи укорененной в интуиции и эмоционально манифестируемой в природе, приобретает новый статус универсальности за счет своей собственной натурализации, но сохраняет плюрализм за счет разных значений важности каждого из моральных оснований, которые вместе представляют собой своеобразный эквалайзер. Мораль содержательно зависима от социально-политического контекста и может значительно изменяться в каждом сообществе. Вместе с тем, как пишет ученый, моральные основания являются врожденными. И они подобны первой черновой версии исходной книги, которая затем по-раз-

15. Haidt, J. *The Righteous Mind: Why Good People Are Divided by Politics and Religion*, p. 106.

ному редактируется разными сообществами. Конкретные правила и добродетели отличаются в разных культурах, так что мы будем одурачены, если будем искать исходные универсалии рукописного черновика в конечных напечатанных версиях текста. Природа направляет, а не предопределяет культуру.

Шесть моральных оснований. Элементы универсального морального языка?

Развивая исходные антропологические категории Р. Шведера¹⁶, Хайдт и его коллеги выделили сначала пять, а затем шесть универсальных моральных оснований (перечень остается открытым, и автор пишет «как минимум» шесть), которые вместе задают исходный репертуар, внутри которого мы можем наблюдать значительные расхождения между конкретными обществами (странами) или разными сообществами внутри одной страны, как в случае либералов и консерваторов:

1. **Забота/вред** — в этом моральном основании проявляются встроенные биологические механизмы млекопитающих, связанные с воспитанием потомства и ухода за ним. Меньшее количество отпрысков требует больше заботы в отношении каждого. Взгляд на младенца или же на другого детеныша млекопитающего запускает импульс заботы. И вызывает гнев в отношении того, кто может причинить вред незащитному существу. Триггеры «модуля» заботы исходно связаны с потомством, но их валентность с помощью других механизмов расширяется на всех членов своей популяции или даже до всего человечества.
2. **Справедливость/несправедливость** — данное моральное основание предполагает пропорциональность, взаимность и симметрию ответа на кооперативное или эгоистическое (включая жульническое) поведение людей, с которыми нет прямой родственной связи. Отвечая «зубом за зуб» мы одновременно поощряем своим поведением и тех, кто делает

16. Shweder, R.A., Haidt, J. (2000) "The Cultural Psychology of Emotions: Ancient and New", in M. Lewis, J.M. Haviland-Jones (eds) *Handbook of Emotions* (2nd ed.), pp. 379–414. New York: Guilford Press; Shweder R.A., Much N.C., Mahapatra M., Park L. (1997) "The "big three" of morality (autonomy, community, divinity) and the "big three" explanations of suffering", in A.M. Brandt, P. Rozin (eds) *Morality and Health*. New York, pp. 119–169. NY: Routledge; Shweder, R.A. (1991) *Thinking through Cultures: Expeditions in Cultural Psychology*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

нам подарок или помогает. Несправедливое поведение вызывает гнев или отвращение (даже у некоторых обезьян), а кооперативное поведение и доверие — чувство удовольствия. Более альтруистическое или более агрессивное поведение, чем «зуб за зуб», вело к большим потерям и для индивидов, и для сообщества. При этом для левых справедливыми будут высокие налоги, а для правых высокие налоги — форма грабежа. Как говорит Хайдт, триггеры исходного «модуля» справедливости могут быть культурно опосредованы по-разному.

3. Преданность/предательство — спонтанное формирование групповой идентичности, включая выделение лидера, сакральные символы общности, ритуалы и предзнаменования, а также агрессию против внешних групп наблюдается как антропологами, изучающими самые разные народы, так и воспроизводится в современном американском контексте в среде юношей в скаутском походе или в феномене болельщиков спортивных соревнований. Модуль «преданности» — часть эволюционной адаптации людей и других приматов к решению задачи создания сплоченных сообществ и конкуренции с другими такими сообществами. При этом для американских консерваторов значение «преданности» максимально, а либералы оценивают значимость этого фактора в среднем значительно ниже.
4. Авторитет/уважение (бунт) — модуль «уважения авторитета» обеспечивает добровольное иерархическое подчинение одних людей другим внутри группы — вне грозы или прямого применения силы. С другой стороны, уважение авторитета предполагает обязательства господина по поддержанию общего порядка. Отношения родителей и детей являются моделью для триггеров этого основания, которое состоит из двух субмодулей — подчинения и господства. Титулы, фамилии и личные местоимения, встроенные во многие языки, служат поддержанию уважительного неравенства. Ссылаясь на Франсиса де Вааля, Хайдт вновь подчеркивает родство организации приматов и людей. И вновь консерваторы почти единодушно признают это основание важным, тогда как либералы настроены более сдержанно.
5. Священное/отвратительное — триггерами для данного основания в разных культурах выступают самые разные яв-

ления и действия (в диапазоне от запрещенных продуктов и запрета на обнажение определенных участков тела до отторжения чужеземцев или признания святости флага). Чувство отвращения в эволюционной логике связано с необходимостью для всеядных лучше различать съедобные и несъедобные продукты в зависимости от местности и климата. Реакция отвращения в ответ на болезнь или заражение других людей служит частью защитного иммунитета на уровне поведения. Чувство отвращения и чувство священного (в обоих случаях речь идет о «неприкасаемом» — в одном случае слишком «грязном», а в другом случае — слишком «чистом») оказываются проявлениями одного модуля, который может быть подключен к самым разным триггерам. Вместе они задают максимально жестко оберегаемые и потому надежные границы индивидуальных действий. Это третье основание, которое в современном контексте в США и в Европе более важно для консерваторов, чем для либералов. Впрочем, духовные левые течения также обращаются к этому моральному регистру.

На этой основе был разработан англоязычный опросник *Moral Foundation Theory* (MFT), который доступен онлайн и собрал более 100 тыс. ответов респондентов в США и со всего мира. В серии очень разных и остроумных исследований, включая описание предпочитаемого характера домашнего питомца, Хайдт и его коллеги показали, что эти пять оснований четко коррелируют с базовыми политическими предпочтениями по шкале либерал/консерватор. Граждане, сами оценивающие себя наиболее консервативными, считают практически равно важными все пять оснований при оценке поведения других людей — их моральный репертуар включает все пять «клавиш». Напротив, наиболее либеральные по собственной оценке респонденты в США и многих других странах высоко оценивают значимость двух оснований заботы/вреда и справедливости/несправедливости и значительно ниже — три других основания, связанных с групповой лояльностью, иерархией и священным (чистым). Эти устойчивые эмпирические результаты составляют наиболее значимую и эвристическую часть теории моральных оснований политики (MFT). Они объясняют актуальный политический рас-

кол в США через значимое сокращение морального репертуара для одной из двух частей политического спектра. По сути, в одной стране сосуществуют два сообщества с разным представлением о том, что в принципе является моральным и общеобязательным для всех, а что делом частного выбора.

6. Свобода/угнетение — шестое основание Хайдт включил только во время подготовки книги, отделив его от основания «справедливость». Одно ли чувство испытывают люди против обманщика, нарушающего принцип взаимности и пропорциональности, и против агрессора, кто хочет навязать свое господство и структурное неравенство силой и угрозами? Археологические исследования показывают, что после долгого периода жизни в строгой иерархии около миллиона лет назад охотники-собиратели стали жить в эгалитарных группах, где нормой было делиться добычей и ограничивать притязания индивидов на роль вождей. Опираясь на антрополога К. Боэма, Хайдт говорит о революции в поведении людей и приматов, которая привела к появлению нового модуля «свобода/угнетение». Под воздействием этого набора психофизиологических реакций люди и обезьяны склонны в определенных ситуациях атаковать вожаков, чрезмерно полагающихся на силу и пренебрегающих политическими альянсами. В дополнение и в противодействие к модулю «уважения иерархии» возник модуль «свободы/угнетения», благодаря которому простые члены группы ограничивают власть альфа-самцов. Сплетни о нарушении коллективных норм (одна из первых функций языка) и смертоносное оружие, позволяющее слабому убить более сильного, оказались источником этой революции. В этом смысле Хайдт говорит о неустойчивой комбинации древнего модуля иерархии и более молодого модуля эгалитаризма. Результатом стало самоодомашнивание альфа-самцов, которые должны полагаться не только на силу, но и на выстраивание отношений и внешне убедительно соблюдать коллективные нормы, чтобы получить поддержку рядовых членов сообществ.

В заключение обзора моральных оснований мы можем отметить, что шестое основание равно характерно как для более либеральных граждан, для которых важно равенство всех, так и для

консерваторов, которые видят угрозу со стороны государственной бюрократии как тираническое нарушение принципа свободы.

Наконец, Хайдт разделяет шесть моральных оснований на две подгруппы — индивидуальные моральные нормы (забота, справедливость, свобода), которые защищают каждого человека внутри группы, и групповые моральные нормы (иерархия, верность группе и священное), защищающие группы в их межгрупповой конкуренции. «Индивидуальные» основания морали почти одинаково активно, хотя и чуть по разным причинам, поддерживают и консерваторы, и либералы. «Групповые» основания в гораздо большей мере актуальны для консерваторов и сильно менее значимы для либералов.

Таким образом, либералы ограничены трехосновной моралью, теряя из виду целых три других основания, а консерваторы располагают всеми шестью основаниями. Данная асимметрия позволяет Хайдту сформулировать неожиданный тезис о «преимуществе» консерваторов и даже дать рекомендацию либеральным политикам больше использовать коллективистские или групповые основания, чтобы выровнять ситуацию и более уверенно завоевать большинство. Более того, исследователь в данном случае явно выходит за периметр аналитической работы и даже за периметр «PR-технологии» более эффективных коммуникаций. Судя по всему, Хайдт прямо предлагает либералам расширить свой моральный репертуар за счет групповых моральных оснований, считая его критически важным для общественной жизни.

Коллективное бурление как способ преодоления культурной войны

Возможен ли переход от одних моральных матриц, в которых господствуют индивидуалистические моральные основания, свойственные по преимуществу представителям либералов, скорее голосующих за демократическую партию, к другим моральным матрицам, носителями которых являются консерваторы, как правило сторонники республиканской партии?

Онтология человека, согласно Хайдту, двойственна. Он использует для аргументации это тезиса термин французского социолога Э. Дюркгейма “*homo duplex*”. Надо сказать, что социология Дюркгейма — чрезвычайно важный для Хайдта ресурс для построения собственного проекта. В свое время Дюркгейм об-

ратил внимание на то, что социология не может обойтись без психологии¹⁷. Мы можем заметить, что и сама психология в том виде, в котором представлена у Хайдта, невозможна без социологии. “Номо duplex” — это двойственность природы человека, проявляющаяся в таких разделениях, как душа и материя, индивидуализм и коллективизм и т.п. Само это разделение, как пишет Дюркгейм, есть следствие религиозного деления мира на профанное и сакральное. Но религия, как и мораль, у него выступает как дериватив коллективных образований.

На самом деле религиозные силы — это всего лишь гипостазированные коллективные, то есть нравственные, силы; они созданы из представлений и чувств, которые пробуждает в нас театр общественной жизни, а не из ощущений, которые мы получаем от физического мира¹⁸.

Профанное и сакральное как части религиозного гомологичны индивидуальному и коллективному. Высшая степень сакрализации активируется там и тогда, где и когда происходит то, что Дюркгейм называет «коллективным бурлением». Под этим термином следует понимать социальный акт единения и сплочения, результатом которого является эмоциональное и нравственное пробуждение. Как пишет социолог Г. Юдин:

Индивидуальные сознания трансцендируют себя, преодолевают эгоистические наклонности и принимают к источнику морали, которым является коллектив. Принципиально важно, что питаться от этого источника невозможно поодиночке, а только совместно — усвоение морали происходит только в коллективном опыте, в опыте слияния индивидуальных сознаний¹⁹.

Согласно Хайдту, коллективные эмоции, испытываемые в моменте «бурления» — это способ переключения морали с индивидуального уровня на групповой. Такое переключение в то же время активирует те моральные рецепторы, которые отвечают

17. Дюркгейм Э. Дуализм человеческой природы и его социальные условия // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 2. С. 134.

18. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 536.

19. Юдин Г. Коллективное и индивидуальное в философской антропологии Э. Дюркгейма. // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 2. С. 130.

за групповые нормы и ценности, такие как верность, авторитет, чистота (святость). Другими словами, переключение работает как моральная трансгрессия от частного к общему. Так, в индивидуалистической моральной перспективе, которую лучше всего, по мысли Хайдта, описал либеральный философ Д. С. Милль, размещены категории личной автономии и заботы в отношении тех, кто находится в уязвимом положении, например — меньшинства. Моральный дискурс в таком изводе нечувствителен к проблеме подрыва традиционных порядков, десакрализации и т.п. Представители демократической партии — продолжает Хайдт — могут расширить свой моральный репертуар за счет коллективных ритуальных исполнений, которые, по логике автора, высвобождают те подавленные моральные основания, что присутствуют у республиканцев. У традиционалистов республиканцев, в свою очередь, моральный набор матриц шире по охвату. Именно поэтому, утверждает автор «Праведного разума», они чаще выигрывают на выборах. «Люди голосуют за республиканцев, потому что республиканцы предлагают “моральную ясность” — простое видение добра и зла, которое активирует глубоко укоренившиеся страхи у большей части электората»²⁰.

Практическое следствие этого вывода состоит в том, что политические акторы, которые способны вызвать коллективное бурление, также способны завоевать «сердца» электората за счет влияния/пробуждения моральных матриц. Процитируем здесь Хайдта:

Великие лидеры понимают Дюркгейма, даже если никогда не читали его работ. Для американцев, родившихся до 1950 года, вы можете активировать их дюркгеймовскую высшую природу, сказав всего два слова: «Не спрашивайте». Полное предложение, которое они услышат в своей голове, взято из инаугурационной речи Джона Ф. Кеннеди в 1961 году²¹.

Культурный и политический раскол, таким образом, нивелируется за счет пробуждения универсальных моральных оснований у тех членов общества, у которых оно обычно пребывает в «спящем» режиме, то есть у демократов. Второй практический вывод

20. Haidt, J. “What makes people vote republican?”.

21. Haidt, J. *The Righteous Mind: Why Good People Are Divided by Politics and Religion*, p. 259.

формулируется в виде предписывающей нормативности — противоборствующим сторонам следует чаще проводить время в смысле формальных и неформальных контактов друг с другом. Политическая система дифференцировалась на борющиеся между собой фратрии. Хайдт констатирует, что отсутствие условий для наращивания сильных социальных связей между носителями полярных моральных матриц интенсифицирует состояние культурной войны. Если ранее между республиканцами и демократами были общие резоны единения: чувство принадлежности к элите, дружба семьями по причине пребывания в Вашингтоне, то теперь, пишет Хайдт, «большинство конгрессменов летают в Вашингтон в понедельник вечером, собираются вместе со своими товарищами по команде и сражаются в течение трех дней, а затем вылетают домой в четверг вечером. Межпартийная дружба исчезает»²². Говоря языком Дюкргейма, эти тенденции свидетельствуют об отсутствии солидарности, вызванной ослаблением социальных связей. Плотность коллективных взаимодействий снижается, а моральное дистанцирование и противостояние моральных видений увеличивается и расширяется.

Переключение одних моральных установок на другие внутри моральной карты, казалось бы, зависит от социальных условий, например, включенности в сильные или слабые социальные связи. Но у Хайдта ответ расширяется за пределы того симбиоза социологии и психологии, который, вероятно, подразумевал Э. Дюкргейм. Как отмечалось ранее, в силу мультидисциплинарного подхода (совмещения природного и социального) не предполагается использование замкнутого монокаузального объяснения, что можно найти у французского социолога. Так, американский психолог показывает, что переключение моральных основ с индивидуального на коллективный регистр зависит не в последнюю очередь от гормонов окситоцина и зеркальных нейронных связей. Ссылаясь на результаты недавних открытий, Хайдт фундирует биологическую обусловленность «коллективного бурления». Определенный уровень окситоцина повышает доверие, снижает страх и мотивирует на сверхусилие в интересах группы. Так, барабанный бой, пение гимна или литургия активизируют в людях пчелиное или роевое начало, ослабляя эгоистические мотивы. На это же направлено и действие коллективных моральных оснований. Значит ли это, что Хайдт редуцирует общественное до биологического?

22. Ibid., p. 331.

Редукция социального к биологическому или трансдисциплинарный вызов?

В последние несколько десятилетий происходит достаточно радикальная трансформация структуры научного знания — происходит своеобразное столкновение тектонических плит. Несколько ранее самостоятельных научных дисциплин, каждая из которых исторически отстояла свое право на академическую автономию, подвергаются радикальной пересборке со стороны коллег из соседних наук. Одна из таких зон «столкновения» — эволюционная биология и мораль²³. Параллельно с Хайдтом многие ведущие ученые и популяризаторы науки работают на стыке эволюционной биологии, генетики, антропологии, психологии и социогуманитарных наук, указывая на возможность междисциплинарного синтеза, что вызывает острые критические комментарии внутри отдельных научных направлений и ставит ряд фундаментальных вопросов о природе научного знания в целом и о природе автономии отдельных дисциплин. Несколько значимых проектов такого рода были совершены специалистами по биологии и теории эволюции, а также популяризаторами науки, включая Франсиса Де Вааля, Роберта Сапольского, Ричарда Докинза или Александра Маркова.

Таким образом, в начале XXI века мы видим серию атак, которые происходят в конкурирующих областях научного знания и которые можно назвать трансдисциплинарными. На самом общем уровне ученые предлагают рассматривать традиционные предметы одних наук (социальных) с помощью методов и моделей других наук (биологических, психологических, наук о мозге и др.). Скажем, некоторое собрание и общение людей на площади мы можем рассмотреть разными способами: анализируя классические тексты Аристотеля, политические институты конкретной страны, сравнивая их с другими странами или используя типичные модели поведения приматов в стае. Каждый из таких взглядов скорее всего будет монокаузальным и даст возможность содержательно описать и, возможно, даже предсказать определенные события. Траектории жизни двух близнецов можно объяснить через близость их ДНК, но также через различные события их жизни в сочетании с индивидуальными особенностями их характера, который, в свою очередь, отчасти наследуется, а от-

23. Shackelford, T. K., Hansen, R. D. (eds) (2016) *The Evolution of Morality*. Springer.

части — формируется индивидуально²⁴. Как же работать со швами между дисциплинами или с зонами наложения дисциплин с разными онтологиями друг на друга?

Для осмысления этой проблематики мы хотели бы сделать два рабочих различия. Во-первых, мы выделим научные дисциплины, которые исследуют настолько различные феномены, что сами дисциплины можно назвать дифференцированными по отношению друг к другу. Напротив, научные дисциплины, которые в принципе могут давать содержательные интерпретации одних и тех же «сырых данных», пользуясь различными инструментами, моделями и разными базовыми онтологиями, мы можем назвать конкурирующими. Именно эта смежность позволяет проводить эмпирически обоснованные интервенции из одной дисциплины в другую. Во-вторых, мы можем различить монокаузальные и плюралистические объяснительные модели. Первый тип предполагает объяснение определенного набора данных с помощью одного закона или принципа. Это наиболее распространенный подход, который позволяет экспериментально выделить ситуацию, в которой можно оценить действие только одного фактора «при прочих равных». Как правило, каждый такой принцип или закон исторически формировал отдельную субдисциплину в рамках общего поля дисциплины: скажем, физика теплообмена, оптика или механика. Второй тип объяснений допускает наличие нескольких принципиально несводимых друг к другу логик, которые воздействуют на и объясняют одни и те же феномены. Наиболее скандальным и сложным примером является принцип дополнителности в физике.

Скажем, астрономия и социология изучают, то есть методически реконструируют настолько разные ряды явлений, что между ними нет и в принципе не может быть никакой конкуренции. Конечно, мы можем представить себе некоторый виртуальный гибрид этих двух наук, «астросоциологию», однако эта специальная область пересечения будет достаточно четко выделена по отношению к обоим исходным научным полям. Речь в случае таких гибридных дисциплин будет скорее идти о кооперации и совместном моделировании воображаемого, чем о конкуренции. Напротив, в «смежных» научных полях, которые исходно изуча-

24. Хайт приводит пример двух близнецов, которые, несмотря на общую генетику, взрослея, расходятся по своим культурным и политическим установкам под воздействием окружающей среды и своих решений.

ют близкие феномены, скажем в парах «физика — химия» или «социология — психология», такая демаркация границ была историческим условием их автономизации. В этом смысле парадигматическим примером на рубеже XIX и XX вв. является обоснование Эмилем Дюркгеймом социологии как науки, которая изучает и объясняет общественное (социальное) через общественное (социальное). Это позволяло четко отделить социологию от психологии в версии Вильгельма Вундта, направленной на анализ сознания и поведения индивида, а затем и на психологию целых народов, или от социальной психологии Габриэля Тарда, которая объясняла сознание и поведение индивида через взаимодействие индивидуальных сознаний. В начале XX века автономизация дисциплин о человеке позволила укрепиться каждой из них, выделяя один главный принцип или закон для каждого из субдисциплинарных полей. А в зонах пересечения между дисциплинами или субдисциплинами, после серии взаимных атак, установилось своеобразное водное перемирие. Сегодня столетнее перемирие между конкурирующими дисциплинами закончилось и требуются серьезные усилия по выстраиванию взаимопонимания, если не согласия.

Исследовательская программа Джонатана Хайдта и его коллег, а также ее рецепция хорошо вписываются в этот большой тренд. В данном случае, хотя социальный психолог использует преимущественно собственные экспериментальные методы, но в своих теоретических построениях и обосновании моделей он активно опирается на понятия, готовые построения и экспериментальные данные других академических направлений в диапазоне от классической философии до нейрофизиологии и генетики. Работа американского социального психолога и антрополога соединяет настолько удаленные точки на научной и даже философской карте, что становится местами слишком уязвимой для критики. Насколько возможно анализировать культурные войны и структурную оппозицию консерваторов и либералов в современных США с помощью двух генетически «пред-инсталлированных», но не жестко predetermined типов отношения индивидов к новому опыту?²⁵ Можно ли выбирать между философией морали Юма и Канта с по-

25. Мы разберем гипотезы и аргументы Хайдта о характере связи нейрофизиологической и генетической предрасположенности с разделением на консерваторов и либералов в следующем параграфе.

мощью данных нейрофизиологии? Здесь важно уточнить, что, как мы постарались показать в обзоре, позиция Хайдта более сложная. Однако в его подходе есть одна важная инновация, которая позволяет избежать прямых обвинений в редукционизме и задать более продуктивный (хотя и далекий от бесконфликтности или гармонии) формат для трансдисциплинарной интеграции. В ряде случаев Хайдт явно переходит от монокаузального объяснения к плюралистическим моделям, которые, во-первых, признают наличие нескольких разноприродных начал или факторов, а во-вторых, намечают объяснение второго порядка, описывая взаимодействие и взаимное влияние нескольких различных факторов, каждый из которых традиционно рассматривался по отдельности в рамках разных, но потенциально конкурирующих дисциплин. В зонах конкуренции нескольких наук мы почти всегда в принципе можем построить плюралистическое объяснение, когда два или более фактора оказывают значимое воздействие на события. Впрочем, для самих авторов таких трансдисциплинарных работ и в еще большей мере для их критиков речь обычно идет о редукции одной логики к другой. Иначе говоря, по умолчанию предполагается монокаузальная модель объяснения. В случае с экспансией биологических и эволюционных объяснений в область религиоведения, морали или политики авторы часто претендуют на то, что их родная дисциплина может заменить и включить в себя науки об обществе — утверждения о конце свободы воли или о биологической природе морали призваны драматизировать и подчеркнуть победу одного фактора над другими.

Напротив, Джонатан Хайдт осознанно отказывается от монокаузальности в пользу плюралистических моделей, что означает и отказ от редукционизма. Более того, он предлагает специальные модели для содержательного взаимодействия и взаимной коррекции биоэволюционных и культурных факторов. Так, следуя за нейрофизиологом Гэри Маркусом и отказываясь признать врожденные моральные интуиции «железом» или «защитыми» в природу людей универсальными нормами, он различает предустановленные (*prewired*) модули психофизиологических реакций и их автономную последующую эволюцию, обусловленную коллективным и индивидуальным опытом.

Аналогичной цели служит выделение в моральных основаниях исходного психофизиологического по характеру «модуля», то есть набора устойчивых реакций отвращения, гнева, заботы

и др., и «триггеров» — конкретных социальных обстоятельств и аргументов, которые обращаются к исходным реакциям и делают их сильными и эмоционально насыщенными. Например, в экспериментах неприятный запах, вызывающий чувство отвращения, оказывает измеримое влияние на моральные суждения, делая их более резкими. Это первый уровень связи биологического и морального. Как мы видели, конкретный моральный модуль чистоты или священного в большей мере связан с чувством отвращения, чем другие основания — это второй уровень связи. Наконец, конкретная кодировка того, что считается священным, будет разной в зависимости от культуры и идентификация осуществляется через обучение и практику. Это третий уровень и механизм влияния биологии на социальное поведение. В целом Хайдт утверждает, что межгрупповой отбор определенных генетических черт людей внутри групп, а не только индивидуальный отбор генов отдельных особей, является эволюционной основой моральных оснований, хотя этот ключевой вопрос остается дискуссионным в биологии и на уровне философских предпосылок²⁶.

В этом отношении проект Хайдта далек от совершенства и требует существенной доработки, но он позволяет наметить принципиально новые и, как представляется, фундаментально необходимые подходы к будущему трансдисциплинарному синтезу конкурирующих наук о живом и общественном. В рамках этой новой логики интегрирующие конструкции, подобные программе Хайдта, предполагают сохранение относительной автономии отдельных исследовательских направлений. Однако защитный аргумент *ad reductio* представляется недостаточным для опровержения внутри таких автономных научных полей принципиальной возможности описывать «наши» явления «чужими» средствами. В этом смысле трансдисциплинарная интеграция конкурирующих областей — это долгосрочный вызов, на который важно учиться отвечать совместно, скорее через содержательную полемику, чем через отказ от нее с помощью априорной критики «редукционизма».

26. Abbot, P., et al. (2011) "Inclusive fitness theory and eusociality", *Nature* 471 (7339): E1–E4; Dawkins, R. (1994) "Burying the Vehicle [Commentary on Wilson & Sober: Reintroducing Group Selection to Human Behavioral Sciences]", *Behavioral and Brain Sciences* 17(4): 616–617; Nagel, T. "The Taste for Being Moral".

Рецепция и критика

В заключительной части мы хотели бы сделать краткий обзор рецензий и рецепции книги, а также более широкой программы, связанной с MFT. Первые отзывы были в целом положительными, и их авторы приветствовали пионерский и междисциплинарный характер работы Хайдта, однако ряд важных тезисов вызывал возражения. Дж. Джост, оценивая книгу как «блестящую» и открывающую новые вопросы, указывал на нормативный по сути, но слабо проработанный призыв Хайдта к либералам включить «забытые» ими три групповых моральных основания в свое мировоззрение. Используя классическую модель Канемана, Джост осторожно предположил, что причиной может быть как раз более активное использование рациональных мотивов и аргументов, которые в случае либералов позволяют делиберативной и медленной Системе 2 ограничить более интуитивную и быструю Систему 1²⁷. И полемически заключил вопросом — не перешел ли прогрессивный Хайдт на позиции консервативной и более архаичной морали? Б. Моссоп подчеркнул дидактический и прагматический характер MFT, призванный помочь людям лучше понимать друг друга, а также обратил внимание на актуализацию классической социологической интерпретации религии как механизма формирования социальных связей в группе²⁸. В своем обзоре для европейских читателей американский социолог С. Вайзэ объединяет два сквозных сообщения Хайдта, с которых мы начали данную статью: гражданское стремление понять своих оппонентов хорошо соответствует собственной научной стратегии социального психолога, готового не только вторгаться в смежное поле социологов, но и учиться у них²⁹.

Наибольшую критику — помимо настороженной реакции на предполагаемый редукционизм теории Хайдта и претензий к его колебаниям между нормативной и дескриптивной позицией — вызвал вопрос об основаниях самих шести моральных оснований. Насколько исчерпывающ и точен этот набор? А также — смежный вопрос о принадлежности конкретных раскрывающих

27. Jost, J. T. (2012) "Review: Left and Right, Right and Wrong", *Science, New Series* 337(6094): 525–526.

28. Mossop, B. (2012) "Moral Mayhem", *Scientific American Mind* 22(6): 69.

29. Vaisey, S. (2012) "The Righteous Mind by Jonathan Haidt", *European Journal of Sociology / Archives Européennes de Sociologie / Europäisches Archiv für Soziologie* 53(3): 448–451.

вопросов тому или иному основанию. Как представляется, наиболее систематическим и серьезным ответом на данный тип критики стала работа О. Карри и его коллег, предложивших свою альтернативу MFT на основе систематического метаобзора антропологических исследований по всему миру³⁰. Собрав максимально широкий репертуар моральных норм, Карри предложил оригинальный ход: к утверждению важности морали для стимуляции кооперативного поведения индивидов он добавил теорию игр. Неожиданно оказалось возможным реконструировать семь моральных оснований как семь разных типов математических по сути игр, предполагающих разные типы кооперации. Большая часть моральных оснований, выявленных Карри и обобщенных под именем «периодической таблицы этических элементов» или МАС (Morality-as-Cooperation), совпала с основаниями Хайдта, а часть их потребовала уточнения — или они были новыми. При этом моральное основание чистоты или священного выпало из модели Карри, что, возможно, указывает на его особый привилегированный статус, впрочем, хорошо известный социальным антропологам³¹.

Многолетняя работа Хайдта и его коллег, включая Джесси Грэма, Сену Колеву и многих других³², вызвала большую реакцию, которая выходит за пределы, очерченные в книге. С одной стороны, речь идет о серии дальнейших исследований на основе теории моральных оснований (и соответствующего опросника MFTQ), которые проводились и продолжаются как в США, так и во всем мире³³. Только в 2021 году появилось несколько десят-

30. Curry, O., Chesters, M., Lissa, A. (2019) "Mapping morality with a compass: Testing the theory of 'morality-as-cooperation' with a new questionnaire", *Journal of Research in Personality* 78: 106–124.

31. Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу / Пер. с англ. Р. Громовой под редакцией С. Баньковской; М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. М., 2000.

32. Graham, J., et. al. (2013) "Moral Foundations Theory: The Pragmatic Validity of Moral Pluralism", in P. Devine, A. Plant (eds) *Advances in Experimental Social Psychology*, Vol. 47, pp. 55-130. Burlington: Academic Press; Koleva, S. P., et. al. (2012) "Tracing the threads: how five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes", *Journal of Research in Personality* 46: 184–194.

33. Мы даем здесь лишь несколько выборочных ссылок из нескольких сотен исследований и публикаций для понимания масштаба и разнообразия работ по MFT: Harper, C. A., Rhodes, D. (2021) "Reanalysing the factor structure of the moral foundations questionnaire", *British Journal of Social Psychology* 60(4):1303-1329; Atari M., Graham J., Dehghani M. (2020) "Foundations of morality in Iran", *Evolution and Human Behavior* 41; Bayrak, F., Alper, S. (2021) "A tale of two hashtags: An examination of moral content of pro- and anti-government tweets in Turkey", *European Journal of Social Psychology* 51(3): 585–596. Kugler, M., Jost, J. T., Noorbaloochi, S.

ков новых публикаций. Опросник адаптирован и переведен более чем на 20 языков, включая арабский, немецкий, французский, китайский, вьетнамский, шведский, русский и японский³⁴. В ряде статей обсуждаются и решаются вопросы и сложности адаптации опросников с учетом национальных и культурно-языковых особенностей³⁵. В большинстве случаев использование опросника дает устойчивое подтверждение о связи моральных оснований, артикулированных в задаваемых в анкете вопросах, и общественно-политических предпочтений по шкале «либералы — консерваторы», а также психологических типов (профилей) людей. Российский психолог О. Сычев и его коллеги, опираясь на более ранний обзор М. Козловой и А. Козлова, провели валидацию опросника на русском языке, а также сделали сравнительный анализ предпочтений монгольских, российских и немецких подростков³⁶. В целом данные работы подтверждают возможность применения MFT в отечественном контексте, но указывают на более высокую значимость двух подгрупп оснований (индивидуальных и групповых), чем отдельных шкал моральных оснований, что предполагает дальнейшую доработку русскоязычной версии MFTQ³⁷.

(2014) “Another look at moral foundations theory: do authoritarianism and social dominance orientation explain liberal-conservative differences in “moral” intuitions?”, *Social Justice Research* 27: 413–431; Smith, I. H., Aquino, K., Koleva, S., Graham, J. (2014) “The moral ties that bind...even to out-groups: the interactive effect of moral identity and the binding moral foundations”, *Psychological Science* 25: 1554–1562.

34. См. доступные переводы на сайте проекта Moral Foundations [<https://moralfoundations.org/questionnaires/>, доступ от 10.10.2021].

35. Nilsson, A., Erlandsson, A. (2015) “The Moral Foundations taxonomy: Structural validity and relation to political ideology in Sweden”, *Personality and Individual Differences* 76: 28–32.

36. Козлова М. А., Козлов А. И. Истоки морали, ориентированной на индивида и группу: социально-психологический и естественно-научный аспекты // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 60–70; Сычев О. А., Беспалов А. М., Прудникова М. М., Власов М. С. Особенности моральных оснований у монгольских, немецких и российских подростков // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 85–96; Сычев О., Протасова И., Белоусов К. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFTQ // Российский Психологический Журнал. 2018. Т. 15. № 3. С. 88–115.

37. Речь идет о двух связанных моментах. Во-первых, не вполне ясно, как правильно описать содержание каждого из шести оснований и отделить одно от другого (скажем, в некоторых случаях справедливость и забота или иерархия и лояльность группе будут сближаться до степени смешения). Во-вторых, нет единого критерия для демонстрации того, что выбранные основания составляют исчерпывающий перечень оснований морали. Чуть подробнее рассмотрим этот момент ниже, опираясь на критическую рецензию Хайдта.

Томас Нагель, один из самых влиятельных современных философов в США, приветствует оригинальную постановку больших вопросов в книге «Праведный разум», близкую его собственным изысканиям, но критически указывает на неспособность Хайдта выдержать баланс между «ценностно-нейтральной» и «нормативной» перспективами³⁸. Нагель видит наибольшую уязвимость в объективирующем утверждении ученого о важности морали как выражении групповой (и даже приходской) солидарности, которой он хочет научить либералов, слишком увлекающихся универсалистскими индивидуальными нормами и пренебрегающих узкогрупповыми. На чем же основана эта проповедь групповой морали со стороны ученого — на моральном релятивизме, на биологическом отборе, как бы говорящем сквозь него, на научном основании морали или же на еще более «праведном» понимании морали? Философ указывает на то, что сами рассуждения о морали и моральные призывы Хайдта к либералам носят подчеркнуто рациональный (с точки зрения обоснования морали) характер. При этом в книге автор столь последовательно деконструирует и критикует представление о рациональном характере морали и указывает на ее интуитивную природу. Представляется, что этот парадокс указывает на (еще) более сложное отношение между моралью, интуицией и коллективной рациональной дискуссией.

С помощью эмпирических исследований и концептуализации моральных оснований Хайдт демонстрирует исключительность или даже аномальность либеральной позиции в долгосрочной исторической или антропологической перспективе. Однако мыслитель, с одной стороны, указывает на мягкую, биологическую предрасположенность либералов к новому опыту, что предположительно указывает на первоисточник исторической «девиации» и снижения значимости групповой морали, а с другой стороны, с помощью рациональных, научных аргументов о важности всех шести оснований, предлагает либералам вернуться к более полному спектру, указывая на его антропологическую укорененность и эволюционную функциональность. К критике Нагеля мы хотели бы добавить эвристически важный и интригующий исторический вопрос, который мог бы быть задан внутри теории моральных оснований — что такое за последние сто лет произошло с либералами в США и во всем мире, что они преодолели

38. Nagel, T. "The Taste for Being Moral".

ли эволюционную гравитацию групповых моральных оснований, врожденных и организованных до опыта (пусть и допускающих последующую перекодировку)? Была ли эта работа коллективного разума или же иного механизма, подавившего три базовые интуиции?

Таким образом, спустя десять лет после публикации книги мы можем видеть развернутую международную программу сравнительных исследований, сотни публикаций, сильные конкурирующие теории и содержательную философскую критику, которая позволяет ставить новые исследовательские вопросы. Это в целом очень хороший результат, несмотря на углубляющийся во многих обществах раскол по линии «культурных войн», с которым не смогли справиться Хайдт и его коллеги. С учетом высказанных предостережений и ограничений, мы настоятельно рекомендуем книгу «Праведный разум» заинтересованным читателям и исследователям морали, религии, идеологии и политики, а также социологам, готовым к интеллектуальному вызову и плюралистическим объяснительным моделям в конкурирующих дисциплинах.

Библиография / References

- Дуглас М.* Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу / Пер. с англ. Р. Громовой под редакцией С. Баньковской; М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. М., 2000.
- Дюркгейм Э.* Дуализм человеческой природы и его социальные условия // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 2. С. 133–144.
- Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
- Заикин В.А.* Моральное функционирование: социально-психологический подход. Социально-интуитивистская теория Дж. Хайдта // Национальный психологический журнал. 2017. № 1(25). С. 32–38.
- Козлова М.А., Козлов А.И.* Истоки морали, ориентированной на индивида и группу: социально-психологический и естественно-научный аспекты // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 60–70.
- Сычев О., Протасова И., Белоусов К.* Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // Российский Психологический Журнал. 2018. Т. 15. № 3. С. 88–115.
- Сычев О.А., Беспалов А.М., Прудникова М.М., Власов М.С.* Особенности моральных оснований у монгольских, немецких и российских подростков // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 85–96.
- Узланер Д.* Россия в транснациональных культурных войнах. Часть 1 // Неприкосновенный запас. 2020. № 3(131). С. 100–120.
- Узланер Д.* Россия в транснациональных культурных войнах. Часть 2 // Неприкосновенный Запас. 2020. № 4(132). С. 158–184.

- Юдин Г. Коллективное и индивидуальное в философской антропологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 2. С. 122–132.
- Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1996.
- Abbot, P., et al. (2011) “Inclusive fitness theory and eusociality”, *Nature* 471 (7339): E1–E4.
- Atari M., Graham J., Dehghani M. (2020) “Foundations of morality in Iran”, *Evolution and Human Behavior* 41.
- Bayrak, F., Alper, S. (2021) “A tale of two hashtags: An examination of moral content of pro- and anti-government tweets in Turkey”, *European Journal of Social Psychology* 51(3): 585–596.
- Curry, O., Chesters, M., Lissa, A. (2019) “Mapping morality with a compass: Testing the theory of ‘morality-as-cooperation’ with a new questionnaire”, *Journal of Research in Personality* 78: 106–124.
- Dawkins, R. (1994) “Burying the Vehicle [Commentary on Wilson & Sober: Reintroducing Group Selection to Human Behavioral Sciences]”, *Behavioral and Brain Sciences* 17(4): 616–617.
- Диюркгейм, Э. (2013) “Dualizm chelovecheskoi prirody i ego sotsial'nye usloviia” [The dualism of human nature and its social conditions], *Sotsiologicheskoe obozrenie* 12(2): 133–144.
- Диюркгейм, Э. (2018) *Elementarnye formy religioznoi zhizni: totemicheskaja sistema v Avstralii* [Elementary forms of religious life: the totemic system in Australia]. М.: Izdatel'skii dom “Delo” RANKhiGS.
- Duglas, M. (2000) *Chistota i opasnost': Analiz predstavlenii ob oskvernenii i tabu* [Purity and Danger: An Analysis of Perceptions of Defilement and Taboo]. М.: KANONpress-Ts, Kuchkovo pole.
- Graham, J., et. al. (2013) “Moral Foundations Theory: The Pragmatic Validity of Moral Pluralism”, in P. Devine, A. Plant (eds) *Advances in Experimental Social Psychology*, Vol. 47, pp. 55–130. Burlington: Academic Press.
- Haidt, J. (2001) “The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment”, *Psychological Review* 108(4): 814–834.
- Haidt, J. (2008) “What makes people vote republican?”, *Edge* [https://www.edge.org/conversation/jonathan_haidt-what-makes-people-vote-republican.html], accessed on 17.10.2021].
- Haidt, J. (2012) *The Righteous Mind: Why Good People Are Divided by Politics and Religion*, pp. 133–134. Pantheon Books.
- Haidt, J., Bjorklund, F. (2007) “Social intuitionists answer six questions about morality”, in W. Sinnott-Armstrong (ed.) *Moral psychology, vol. 2: The cognitive science of morality*, pp. 181–217. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Haidt, J., Joseph, C. (2004) “Intuitive ethics: how innately prepared intuitions generate culturally variable virtues”, *Daedalus* (Fall): 55–66.
- Haidt, J., Koller, S.H., Dias, M.G. (1993) “Affect, culture, and morality, or is it wrong to eat your dog?”, *Journal of Personality and Social Psychology* 65(4): 613–628.
- Harper, C.A., Rhodes, D. (2021) “Reanalysing the factor structure of the moral foundations questionnaire”, *British Journal of Social Psychology* 60(4):1303–1329.
- Hunter, J.D. (1991) *Culture Wars: The Struggle to Control the Family, Art, Education, Law, and Politics in America*. New York: Basic Press.

- Iudin, G. (2013) "Kollektivnoe i individual'noe v filosofskoi antropologii E. Diurkgeima" [The Collective and the Individual in the Philosophical Anthropology of E. Durkheim], *Sotsiologicheskoe obozrenie* 12(2): 122–132.
- Ium, D. (1996) *Sochineniia v 2 t. T. I* [Essays in two volumes. Vol. 1]. M.: Mysl'.
- Jost, J. T. (2012) "Review: Left and Right, Right and Wrong", *Science, New Series* 337(6094): 525–526.
- Kivikangas, J. M., et. al. (2021) "Moral foundations and political orientation: Systematic review and meta-analysis", *Psychological Bulletin* 147(1): 55–94.
- Koleva, S. P., et. al. (2012) "Tracing the threads: how five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes", *Journal of Research in Personality* 46: 184–194.
- Kozlova, M. A., Kozlov, A. I. (2016) "Istoki morali, orientirovannoi na individa i gruppu: sotsial'no-psikhologicheskii i estestvenno-nauchnyi aspekty" [The origins of individual- and group-oriented morality: socio-psychological and natural-scientific aspects], *Psikhologicheskii zhurnal* 37(3): 60–70.
- Kugler, M., Jost, J. T., Noorbaloochi, S. (2014) "Another look at moral foundations theory: do authoritarianism and social dominance orientation explain liberal-conservative differences in "moral" intuitions?", *Social Justice Research* 27: 413–431.
- Mossop, B. (2012) "Moral Mayhem", *Scientific American Mind* 22(6): 69.
- Nagel, T. (2012) "The Taste for Being Moral", *New York Review of Books* [<https://www.nybooks.com/articles/2012/12/06/taste-being-moral/?pagination=false#.UVHG-Zi5czCI.wordpress.html>, accessed on 17.10.2021].
- Nilsson, A., Erlandsson, A. (2015) "The Moral Foundations taxonomy: Structural validity and relation to political ideology in Sweden", *Personality and Individual Differences* 76: 28–32.
- Shackelford, T. K., Hansen, R. D. (eds) (2016) *The Evolution of Morality*. Springer.
- Shweder R. A., Much N. C., Mahapatra M., Park L. (1997) "The "big three" of morality (autonomy, community, divinity) and the "big three" explanations of suffering", in A. M. Brandt, P. Rozin (eds) *Morality and health*. New York, pp. 119–169. NY: Routledge.
- Shweder, R. A. (1991) *Thinking through Cultures: Expeditions in Cultural Psychology*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Shweder, R. A., Haidt, J. (2000) "The Cultural Psychology of Emotions: Ancient and New", in M. Lewis, J. M. Haviland-Jones (eds) *Handbook of Emotions* (2nd ed.), pp. 379–414. New York: Guilford Press.
- Smith, I. H., Aquino, K., Koleva, S., Graham, J. (2014) "The moral ties that bind...even to out-groups: the interactive effect of moral identity and the binding moral foundations", *Psychological Science* 25: 1554–1562.
- Sychev O., Protasova I., Belousov K. (2018) "Diagnostika moral'nykh osnovanii: aprobatsiia russkoiazychnoi versii oprosnika MFQ" [Diagnosing Moral Foundations: Approximation of the Russian version of the MFQ questionnaire], *Rossiiskii Psikhologicheskii Zhurnal* 15(3): 88–115.
- Sychev O. A., Bespalov A. M., Prudnikova M. M., Vlasov M. S. (2016) "Osobennosti moral'nykh osnovanii u mongol'skikh, nemetskikh i rossiiskikh podrostkov" [Features of Moral Foundations in Mongolian, German and Russian Adolescents], *Kul'turno-istoricheskaiia psikhologiya* 12(1): 85–96.
- Uzlaner, D. (2020) "Rossiia v transnatsional'nykh kul'turnykh voinakh. Chast' 1" [Russia in transnational culture wars. Part 1], *Neprikosnovennyi zapas* 3(131): 100–120.

- Uzlaner, D. (2020) "Rossiia v transnatsional'nykh kul'turnykh voynakh. Chast' 2" [Russia in transnational culture wars. Part 2], *Neprikosnovennyi Zapas* 4(132): 158–184.
- Vaisey, S. (2012) "The Righteous Mind by Jonathan Haidt", *European Journal of Sociology / Archives Européennes de Sociologie / Europäisches Archiv für Soziologie* 53(3): 448–451.
- Zaikin, V. A. (2017) "Moral'noe funktsionirovanie: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod. Sotsial'no-intuitivistskaia teoriia Dzh. Khaidta" [Moral functioning: a socio-psychological approach. Socio-intuitive theory of J. Haidt], *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* 1(25): 32–38.